

Евгений ДРОЗД

БЕСПОЛЕЗНОЕ—

Рассказ

Первым его увидел охотник Залимуг. Он как раз совершал обход по Большому Ловчему Кругу, проверяя расставленные на гримффов капканы. Он успел осмотреть уже две ловушки (обе оказались пустыми), когда посторонний шум заставил насторожиться.

Залимуг, не потревожив лишней травинки, скользнул к кусту шиполиста и, спрятавшись, огляделся. По тундросаванне шел Большой Человек. Он двигался прямо, не разбирая тропинок, проложенных людьми и зверями. Скорее всего, просто не замечал их. Большие Люди всегда ходят, не разбирая дороги. Трещали сухие ветви шиполиста, звенели и бряцали разные штуки, болтавшиеся у человека за поясом и за спиной. Он прошел мимо притаившегося охотника и, не оборачиваясь, шагнул дальше, направляясь к темневшему на горизонте лесу.

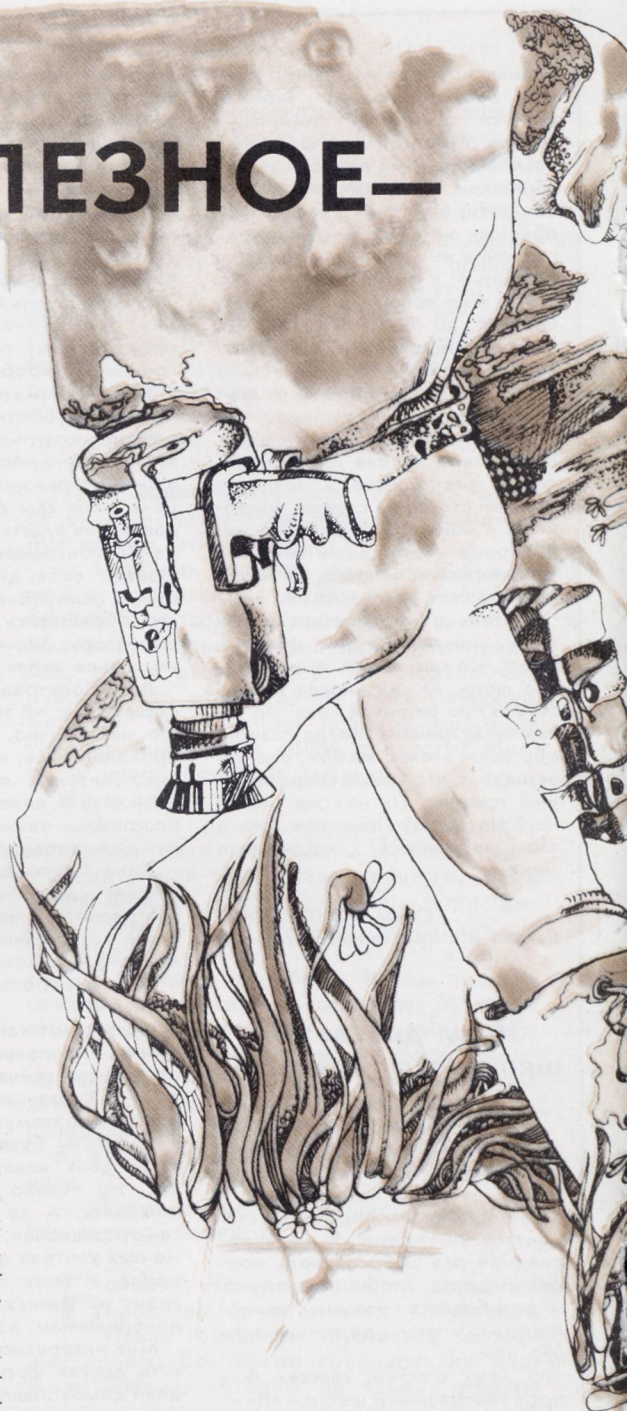
Залимуг встречал Больших Людей всего лишь несколько раз в жизни и каждый раз был потрясен их ростом. Трава, которая Залимугу была по пояс, доставала Большому Человеку лишь до колена. Появление одинокого Большого Человека близ стойбища иракелов на таком удалении от космопорта — событие исключительное. Надо бы предупредить племя. Но охота... А с другой стороны, пришелец распугал всех гримффов на три перехода вокруг, следующие два-три света об охоте и думать нечего...

Залимуг в нерешительности глянул на небо, как бы ожидая увидеть там подсказку. Небесный Огонь уже клонился к закату. Светлые Сестры еще не взошли, но зато появилась уже на темно-вишневом небосклоне Говорильная Звезда, медленно плывшая против хода всех остальных светил. Залимуг живо представил себе, как в этот самый миг шаман Гуавакль и вождь Свурогль сидят около тотема племени, близ гостевой хижины, и слушают Голос Неба. Всплывшие в памяти лица напомнили Залимугу, в чем состоит его долг.

— Ладно, — решил Залимуг, — пусть на

гримффов охотится Владыка Тьмы. Залимуг возвращается.

Большой Человек уже скрылся из виду. Судя по всему, он знал, где расположено стойбище иракелов, и направлялся прямо к нему. Только вот прямой путь в здешних местах не самый короткий. В лесной чащобе не очень разгонишься. Залимуг прикинул, что пришелец достигнет стойбища только во второй половине завтрашнего

БЕСПЛАТНО

Рис. Валерия РУЛЬКОВА

света. И хотя ноги Залимуга не столь длинные и он не может делать такие огромные шаги, Залимуг успеет раньше.

В тот злосчастный день шаман Гуавакль поднялся пораньше, чтобы успеть послушать утренний Голос Неба, пока не закатилась Говорильная Звезда. Вождь племени Свурогль уже си-

дел на циновке перед гостевой хижинкой и ждал жреца. Гуавакль уселся рядом с ним. После обмена приветствиями Свурогль корявым пальцем нажал кнопку на панели старинного транзисторного приемника.

Шкала засветилась, послышалось тонкое бибиканье, потом низкий голос, принадлежащий явно Большому Человеку, но говоривший на языке пяти племен, произнес:

— Говорит радиостанция Самор-1 в программе спутникового вещания. Передаем выпуск последних известий...

Старики с важными лицами прослушали сообщения о миграции стад туфлонов, об открытии новой фактории на северо-западе континента и о наличии свободных мест на разного рода работах в поселении Самор и в самом космопорте. Затем стали передавать обрядовые песни в исполнении певцов пяти племен. Слышимость все ухудшалась, звук ослабевал, ибо Говорильная Звезда была уже почти на горизонте. Из приемника доносились потрескивания и громкое шипение. Свурогль шелкнул выключателем.

Стало тихо. Старики молчали, вперив невидящие взоры в пустоту. Возможно, обдумывали услышанное, а может, вспоминали былые...

Глядя на них, трудно было поверить, что еще пару десятков зим назад эти два человека были смертельными врагами. Молодому, энергичному вождю и не менее молодому, честолюбивому шаману трудно было ужиться в одном племени.

Но потом пришли с неба Большие Люди, и все изменилось. Жизнь стала сытной и спокойной. Прекратились войны между

племенами, и люди стали меньше бояться грозных племенных богов. Вожди, когда-то самые искусные охотники и отважные воины, превратились в простых старост. Почва уходила из-под ног, устои колебались, и над племенами нависала тень еще больших перемен.

Стойбище между тем пробуждалось, слышались голоса женщин и плач младенцев, потянулись к небу дымки утренних костров. Листья исполинских к'деров, свернутые на период тьмы в трубочки, развернулись, и кроны старых гигантов, меж стволами которых разбросаны были хижини стойбища, приняли дневную окраску. Стволы порозовели. Вождь и шаман поднялись было, чтобы отправиться на утреннюю трапезу, как вдруг заметили направлявшегося к ним охотника Залимуга. Это сулило новости, ибо все знали, что Залимуг отправился на обход Большого Ловчего Круга и должен был вернуться лишь через три света и две тьмы. Залимуг поприветствовал старцев и уселся на циновку. Это было привилегией вестника. Ни один мускул не дрогнул на лице жреца, Свурогль тоже хранил выражение непроницаемое и лишь глядел на охотника из-под приспущенных век. Залимуг не торопился говорить. Старцы демонстрируют выдержку? Прекрасно! Он, Залимуг, тоже умеет владеть собой и может доказать, что он настоящий мужчина. Шаман первым нарушил молчание. — Была ли удачна охота?

— Гримффы разлюбили капканы Залимуга, — ответил охотник гладко. Пока счет был в его пользу. Первым заговорил не он. — Духи предков перестали помогать охотникам, и скоро у нас не будет шкур гримффов, чтобы заплатить за стальные ножи и другие товары Больших Людей...

Охотник еще несколько минут толково рассуждал о тонкостях охоты на гримффов. Гуавакль и Свурогль слушали его, прикрыв глаза. Потом жрец попытался сменить тему и пересказал Залимугу переданный голосом Говорильной Звезды прогноз погоды на приближающийся Сезон Ясного Неба. Залимуг охотно переключился на новое русло беседы и поделился своими соображениями по этому поводу. Жрец подавленно замолчал, а Залимуг уже самостоятельно завел речь о перспективах урожая орехов кэдук.

Первым не выдержал вождь:

— Будешь ты, наконец, говорить?!

Жрец поморщился — не подобает вождю терять выдержку.

Это был триумф Залимуга. Он ухмыльнулся:

— Идет Большой Человек. Один. Будет в стойбище на переходе от света к тьме.

Жрец с беспокойством глянул на вождя. Вождь снова закрыл глаза. Он размышлял. Чувства обоих стариков к Большим Людям были противоречивыми. С одной стороны, приход пришельцев с неба изменил вековечный уклад жизни, подорвал веру в великих богов и духов, ослабил власть вождей и шаманов. С другой стороны, оба не могли не признать, что жить стало легче, что стальные ножи лучше каменных, а охотиться на гримффов лучше с помощью капканов Больших Людей. Да и вообще племена давно уже забыли, что такое голод и войны. Все это было так, но все же...

— От одного Большого Человека вреда не будет, — неуверенно произнес шаман. — Мы можем его принять.

— Гуавакль говорит так, как будто он может запретить Большому Человеку прийти, — проворчал вождь. — Уж если Большой Человек решил навестить иракелов, то он это сделает. Что только ему нужно — вот что хотел бы знать Свурогль. Большой Человек идет пешком: много ли товаров может он с собой принести? Много ли шкур гримффов забрать?

Жрец помрачнел:

— А если он собирается уговаривать молодежь идти на работы в космопорт?

Лицо вождя тоже стало мрачным. Жрец задел больное место. Конечно, люди зрелые, солидные в космопорт не пойдут, но вот молодежь... Молодежь может и согласиться, примеры тому были. И ведь не оставишь, не прикажешь остаться. Молодые старейшин не слушают, над богами смеются. Взять хотя бы Эквенока, сына Улачу-ма, который проработал в космопорте две зимы и недавно воротился. Парень совсем испортился в Саморе.

Вождь вздохнул и кряхтя поднялся на ноги.

— Племя встретит Большого Человека как гостя, — изрек он.

Большой Человек вошел в стойбище иракелов в час, когда Небесный Огонь готовился опуститься за темные кроны. Все племя собралось на площади тотема, которую по такому случаю устлали широкими листьями душистого флауна. Вождь, шаман, старейшины и самые уважаемые охотники племени сидели на циновках, расстеленных перед гостевой хижинкой. За ними стояли молодые парни, не обзаведшиеся семьями и своими хижинами. Еще дальше теснились вместе с детьми женщины. Детишки уставились на пришельца расширенными от ужаса и восторга глазами. Большой Человек ступил на площадь, прижимая к лицу какую-то

жужжащую штуковину. Он водил ею по сторонам, направляя на деревья, хижины, на людей. Все замерли.

— Удваивает мир,— небрежно сказал отщепенец Эквенок, стоявший рядом с женщинами.— Творит видимую память. Ничего страшного.

Услышав голос Эквенока, вождь не пошевелился, только дернулась в презрительной гримасе щека. Все же в глубине души вождь ощутил облегчение.

Большой Человек опустил свою штуку, жужжание прекратилось. Он вышел в центр площади, стал перед тотемом и громко произнес:

— Я — Даримава Хонта, этнограф, собиратель обычаев. Я пришел с миром.

По рядам прокатилось и стихло движение, многие зажимали уши.

— Я — Свурогль, вождь народа иракелов,— ответил вождь с достоинством.— Мы рады гостю, пришедшему с миром. Сядь с нами.

Свурогль указал на широкую, украшенную орнаментами циновку.

Даримава Хонта сбросил с плеч рюкзак с полевым синтезатором, положил рядом видеокамеру и сел на указанное место, скрестив ноги.

С минуту длилось молчание. Гость и хозяйка исподволь разглядывали друг друга. Первым заговорил вождь:

— Большой Брат пришел к иракелам, чтобы торговать?

— Мне нечего продавать вам,— отвечал Большой Человек Этнограф,— разве что могу угостить вас «веселой водой». Но я бы с удовольствием кое-что купил.

Даримава протянул руку, и на его ладони все увидели блестящие желтые кружочки. Вождь знал, что в обмен на эти кружочки в Саморе можно получить много хороших вещей.

— Что же хочет купить у иракелов Большой Брат?

— Меня интересуют ваши песни, ваши обряды, танцы и сказания. Я бы хотел услышать, увидеть все это и унести с собой видимую память.

Вождь и жрец переглянулись.

— Это все, что интересует Большого Брата? Только за этим Большой Брат проделал такой путь? — недоверчиво спросил Свурогль.

— Да,— твердо ответил Большой Человек Даримава Хонта.

И вождь, и шаман почувствовали огромное облегчение.

— Но ведь это,— сказал вождь,— совершенно бесполезные вещи. Мы не можем брать за них желтые блестящие кружочки.

Мы отдадим это нашему Большому Брату даром.

— Что ж,— ответил Хонта,— пусть будет так. Но я могу, по крайней мере, угостить своих братьев иракелов «веселой водой»? У меня ее большой запас.

Все возбужденно зашевелились и загомонили.

Пиршество удалось на славу. На длинные гостевые циновки, заменявшие иракелам столы, были поданы: запеченное в листьях мясо туфлона, грудинка чиплаха, жареная шурель, грибы и сладкие корни, несколько сортов орехов, в том числе знаменитый кэдук, и лепешки-корзинки с густым забродившим соком тростника-медоноса. Подан был и глиэль — разновидность местного сладковато-горького пива. Большой Брат отведал всего и все одобрил. Он попросил у женщин племени несколько пустых сосудов и один за другим наполнил их некоей жидкостью из своих запасов. Ко всеобщему энтузиазму, жидкость оказалась «веселой водой».

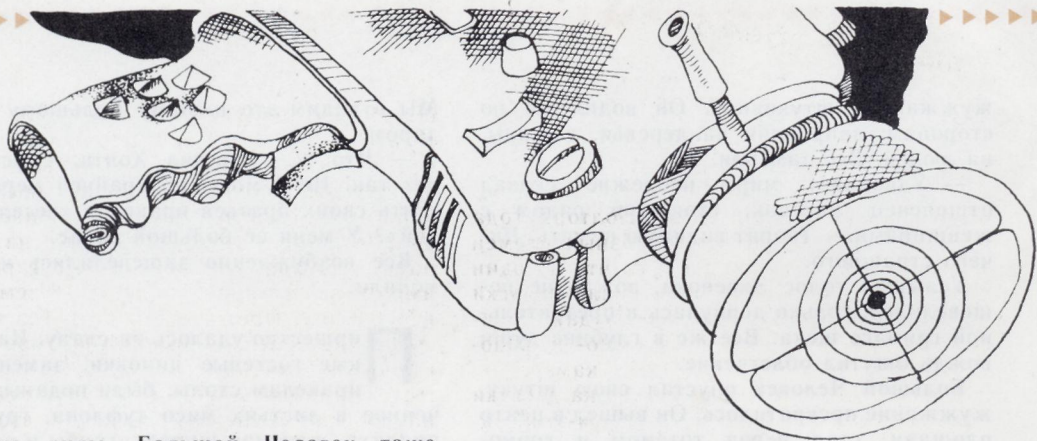
Когда был утолен первый голод и у всех приятно зашумело в голове, разложили несколько больших костров, разогнавших ночную тьму. Над головой шумели темные кроны гигантских к'деров, дым костров уходил в небо, где ярко сияли уже Светлые Сестры — так туземцы называли двойной спутник планеты. Даже этнографу, человеку тертому и выдавшему виды, мир на мгновение снова показался одушевленным и полным волнующих тайн.

Жрец Гуавакль подал знак, и в пространство между кострами вышли девушки. Они начали танец поклонения Светлым Сестрам. Большой Человек оживился, снова поднес к глазам свою жужжащую штуку и принялся творить видимую память. Он выглядел очень довольным, и это вдохновляло танцоров. Девушки исполнили все, что знали и умели, и их сменили мужчины. Подогретые «веселой водой», они плясали без усталости. Танец Большой Охоты сменялся танцем Удачной Ловли, за ними шли танцы Сбора и Маринования Орехов, Сушки Листьев и Выкапывания Корней. Даримава, собиратель обычаев, только попевал водить по сторонам своей камерой.

— Отлично! — бормотал он.— Самобытность! Экспрессия!

Когда танцоры утомились, все снова расселись вокруг циновки и принялись под-

машина времени

креплять силы. Большой Человек тоже закусил со всеми, а потом обратился к вождю:

— Брат Свурогль, — сказал он, — немало славных деяний совершили предки иракелов. Много чудес сотворили грозные боги твоего тотема. Нельзя ли об этом услышать?

— Ты прав, Большой Брат, — важно ответил вождь, — иракелы — храброе племя, и нам есть что рассказать чужеземцу.

По его знаку первым завел речь свирепого вида охотник по имени Устразий. Затаив дыхание слушало племя его повествование о славных битвах, в которых участвовали иракелы в стародавние времена. Потом охотник Залимуг рассказал сагу о летающем туфлоне с шестью серебряными рогами и о том, как сыны Грома превратили племя гигантов, врагов иракелов, в деревья к'деры. Улачум поведал печальную историю неразделенной любви Светлых Сестер к Небесному Огню и рассказал притчу о великом шамане Телмаке и о пяти вопросах, заданных ему каменным зверем Тернабу. Притча привела Даримава в полнейший восторг. Он подпрыгивал на месте и непонятно восклицал: «Этнографическая жила!», «кладезь для структурной мифологистики...» Его странная штука жужжала непрерывно. Когда же Гуавакль спел, аккомпанируя себе на маленькой, совмещенной с бубном арфе гимн о возникновении Золотого Кокона из дыхания Изначальной Беспредельности, исполнил хвалебный цикл в честь Звездного Джиффы, Повелителя Танца, и рассказал про Путь Верхних Всадников, Хонта вскочил и высыпал жрецу в его инструмент горсть сверкающих желтых кружочков.

Долго еще продолжалось пиршество, и долго еще жужжал своей штукой этнограф, удваивая мир и творя зримую память. Но, наконец, погасли костры, Даримава отвели в гостевую хижину, а едва державшиеся на ногах иракелы разбрелись по своим домам. Сон и покой сошли на стойбище, и отчаянно храпел под тотемом свернувшийся калачиком непутевый

Эквенок, который ухитрился выпить больше всех.

Проснулся Эквенок оттого, что кто-то сильно тряс его за плечи, а когда это не помогло, стал отвешивать оплеухи. Эквенок с трудом разлепил веки. Голова его была тяжелой, как пень к'дера.

Будто бы сквозь туман Эквенок различал искаженные лица склонившихся над ним охотников во главе с вождем Свуроглем. Потом кто-то вылил на него целый мех воды и мир прояснился. Но все равно Эквенок никак не мог взять в толк, почему вокруг только ругаются отборнейшими непотребностями, а больше ничего не говорят.

Эквенок с трудом поднялся на ноги и тут же снова сел на циновку. Его мутило.

Племя, казалось, постигла какая-то беда. Но какая? И почему охотники смотрят на него с надеждой?

Ревели детишки, голосили женщины. Не дымился ни один утренний костер. Женщины растерянно глазели на запасы снеди, на травы, корни и орехи и, казалось, не знали, что с ними делать. От скверно ругавшихся мужчин тоже не было никакого толку.

Эквенок бросил взгляд на гостевую хижину, и некое смутное подозрение шевельнулось в его голове. Он поднялся, двинулся к хижине; охотники — следом. Увы, гостевая хижина была давно и безнадежно пуста. Никто не видел, когда и куда ушел Большой Человек, собиратель обычаев...

Исхудалый, обветренный, Даримава Хонта возвращался в космопорт. Он спешил. Следовало успеть до отлета большого трансгалактического, иначе придется добираться до Терры черт знает

какими окольными путями. Полтора года скитался он по стойбищам разных племен и теперь может смело сказать, что ни один самобытный обряд, ни один мало-мальски интересный диалект или просто даже оборот речи не ускользнул от видео- и фонокристаллов его записывающих камер.

Собранного материала хватит на десятки статей, книг и фильмов. Коллеги-этнографы от зависти лопнут — и Макароу, и О'Рилли, и Ван Делл, и де Сантес, а Смита точно кондрашка хватит. И главное — всех их можно теперь не бояться. Ему, Даримава, гарантирована возможность спокойно, не торопясь обработать материал и подать его в самом лучшем виде, не опасаясь, что проклятые конкуренты опять обскачат. Гипноизлучатель сделал свое дело, и пройдет не менее трех-четырёх лет, прежде чем туземцы вспомнят все свои мифы, обряды и предания.

За излучатель, конечно, пришлось отвалить сумму весьма внушительную, но он того стоит. Надо отдать должное старому Хью — ему пришлось изрядно попотеть, особенно над блоком семантической селекции. Дело тонкое — Даримава вовсе не хотел, чтобы туземцы превратились в

идиотов с разумом грудных младенцев. Нужно было всего лишь, чтобы они на время (только на время!) забыли свои обряды и ритуалы, легенды и сказки, пословицы и поговорки, меткие словечки и цветистые обороты. Все это — достояние науки, а наука должна запомнить его, Даримава, имя, а не чье-нибудь другое. Туземцы же перебыютя. Прожить можно и без сказок.

Он спустился с пологих холмов в неглубокую лошину и невольно ускорил шаг. Оставалось пройти лошину, подняться на гребень последней гряды, и взору откроется обширная степь. В той степи, в каких-нибудь четырех километрах от леса, станут видны строения космопорта и поселка Самор вокруг него, а над всем этим будет выситься серебристая башня готовящегося к старту большого галактического лайнера.

Но когда Даримава вышел из леса и поднялся на гребень, ему показалось, что

он заблудился. Перед ним раскинулся совершенно незнакомый город. Целое море серых бетонных параллелепипедов.

— Ничего себе,— подумал Даримава, разглядев все же вдаль два-три знакомых строения.— И это они за полтора года наворочали?! Здесь же степь была!

А теперь бетонные девяти-, двенадцати- и пятнадцатизэтажные коробки начинались в двухстах метрах от леса. И на улицах все, как у людей,— пешеходы, транспорт. Эмнибусы ходят.

Он подошел к стоянке эмнибуса, ощущая себя несколько нелепо со своим огромным рюкзаком, с бластером на поясе, который он так ни разу и не пустил в ход. И вообще Даримава вдруг ощутил, что он очень грязен, оборван и небрит. Неудобно перед туземцами. Впрочем, скопившиеся на остановке аборигены стояли молча в своих глухих, немаркого цвета одеждах и глаз на Большого Человека не подымали. Зато Даримава рассматривал их с любопытством, сравнивая с теми, что были в лесах и на мнемокристаллах его записывающей камеры.

Те-то, в лесах, попестрее одеваются. В этакое убожество их и силком не запакуюшь. Да и душно, наверно, в этих сюртуках... А с другой стороны — не ходить же по городу в набедренных повязках, все же цивилизация!

Наконец подошел эмнибус, и народ ринулся на приступ — пока ожидали, успела скопиться порядочная толпа.

Даримава вышел на площади, где некогда находился центр поселка. Теперь уже исторический центр. Тут ничего не изменилось. И трехэтажное здание «Гранд-отеля», бывшее еще два года назад самым высоким в поселке (если не считать, конечно, башен космопорта), и стилизованный под Дикий Запад салун «Джон Барликорн», и лавки туземных сувениров, и стереовизор «Галакси» — все было на месте. Даримава решил для начала глянуть, что делается в порту, и прошел в переулок с левой стороны отеля, ведущий к пакгаузам и дальше к полю. Стартовые комплексы отсюда просматривались отлично. Но открывшийся вид встревожил Даримава. На поле стояли только приземистый каботажник местных линий да пара разведывательных ракетботов. Большого галактического не было.

Неужели опоздал?

Он потоптался на месте, потом решил сначала устроиться, а затем уже заняться выяснениями, и направился в гостиницу.

В холле маленький, сморщенный портье-туземец записал его в гостевую книгу и выдал ключи от номера на втором этаже.

Гостиница казалась вымершей, до того тут было пусто и тихо. Даримава, подбрасывая ключи на ладони, двинулся на второй этаж по широкой псевдомраморной лестнице, устланной дорожкой-циновкой местной работы. Поднявшись на площадку после первого пролета, он случайно оглянулся и увидел, что туземец-портье как-то странно смотрит ему вслед. Увидев, что Даримава обернулся, он тут же опустил глаза. Лицо казалось этнографу знакомым. Впрочем, ручаться было трудно — за последние полтора года он этих туземцев столько перевидал...

Через час свежевывмытый, свежесвыбритый и переодетый в чистое Даримава вышел на площадь перед отелем и остановился в нерешительности. С одной стороны, ему не терпелось разобраться с транспортом, а с другой, желудок давно и настоятельно требовал своего. Бар в гостинице был закрыт. Как сказал портье, за ненадобностью. Поколебавшись чуток, Даримава направился к салуну «Джон Барликорн».

— Может, из знакомых кого увижу...

К его удивлению, салун внутри ничем не напоминал бывшее заведение. За пластиковыми столиками сидели молчаливые туземцы. Даримава хотел было уйти, но потом все же заставил себя проглотить завтрак, не оставивший после себя никаких добрых воспоминаний.

Он вышел из столовой с безнадежно испорченным настроением. Дело было не только в злосчастном завтраке и в отсутствии лайнера на взлетном поле, что-то еще беспокоило его, и он не мог понять что. Оглядываясь по сторонам, он отмечал детали, на которые раньше не обращал внимания. На широких тротуарах было полно народа, но создавалось впечатление, что все эти люди слоняются здесь безо всякой цели. Многие просто подпирали стены и фонарные столбы, другие стояли, собравшись в кучки, или неподвижно сидели прямо на тротуаре. Делом, похоже, были заняты лишь аборигены в одинаковых мундирчиках, расхаживавшие всюду по двое и по трое.

Полиция? Раньше такого в Саморе не было...

Вместо того чтобы направиться прямо в космопорт, Даримава безотчетно свернул на центральную авеню — в бетонный каньон, протянувшийся совершенно прямо через весь город. Никто, казалось, не замечал его, никто не смотрел в его сторону, даже полицейские проходили, потупив взоры, и вроде бы у Даримавы, башней возвышавшегося над толпой, не было никаких причин для тревоги. Но стоило обернуться, и

Даримава перехватывал пристальные взгляды, которыми провожали его туземцы. Впрочем, они тотчас отворачивались, а те, что были впереди, все так же молча наступали, освобождая путь. Он понял, что его угнетало: тишина. Все — шедшие, или стоящие, или сидящие, порознь и группами, — все молчали. Ни слова, ни возгласа, ни смеха. И еще — за все утро он не встретил ни одного землянина!

Даримава был человек неробкий. Как истинный профессионал он всегда работал в одиночку и не пользовался никакими иными транспортными средствами, кроме собственных ног. И здесь, и на других планетах, странствуя по диким местам, среди первобытных племен он всегда чувствовал себя как дома. Этому помогала абсолютная уверенность в собственном превосходстве и в могуществе стоящей за его плечами цивилизации.

И вот внезапно, сейчас и здесь, в городе с земной архитектурой, он всей шкурой ощутил, что этот мир чужой. Местное светило, меньшее по размеру, чем Солнце, но зато более яркое и белое, поднялось уже высоко, но все еще было утро, и на зеленоватом небе застыли перламутровые прожилки перистых облаков, густые черные тени лежали в провалах между стереометрическими глыбами зданий, на асфальтовые плиты ложились тени от маленьких молчащих фигурок с потупленными зорами.

Даримава остановился. Он ощутил холод в груди, предчувствие какой-то беды и желание сорваться с места и бежать.

— Ба! — чей-то голос прозвучал, как выстрел.

Даримава едва не подпрыгнул. К нему, не обращая на туземцев никакого внимания, шел человек. Мужчина двухметрового роста, лет сорока, широкоплечий, рыжий и с роскошными усами. Человек в расцвете сил и возможностей. Землянин.

Даримава знал его — то был эмиссар Лиги Освоения Миров по делам местного населения, он же заместитель главного администратора поселка Питер Малигэн.

— Здорово, Пит! — воскликнул Даримава, протягивая руку рыжему эмиссару.

Малигэн заключил Даримаву в объятия, демонстрируя свое знаменитое ирландско-славянское радушие.

— Вернулся, бродяга! Что ж ты сразу ко мне не зашел?

— Да я... э-э... понимаешь... позавтракать решил...

— Это в столовой-то? Да ты что, спурел? Сейчас прилично позрять можно только в порту, наши все там собираются. Идем, идем, отметим встречу, славенько сейчас шандрахнем...

Глухими узкими переулками они прошли мимо пакгаузов и ангаров. В здание космовокзала, выстроенное из мираксового мрамора, альрабийского горного хрусталя и легированного титана, они заходить не стали, а сразу же прошли к башне администрации.

Бар на втором этаже отличался обилием зелени, глубокими мягкими креслами с кожаной обивкой и прекрасным видом на стартовые комплексы из широкого, на всю стену, окна.

Пока Малигэн отдавал распоряжения туземцу-кельнеру, Даримава разглядывал взлетно-посадочное поле. Темный, приземистый корпус каботажника местных линий напомнил ему, что он, собственно, хотел выяснить в порту.

— Слушай, Пит, — сказал он, — а почему большого галактического не видно? Я опоздал или он задерживается?

— А ты что — не в курсе? Ах, да, ты по лесам шатался... Не будет больше у нас галактического, отменили...

— Как так отменили?! Почему?

— Да нам же статус понизили — посидели мудрецы в комиссии по внеземным поселениям и решили: планета наша для Терры неинтересна, минеральные ресурсы здесь ограничены, промышленность развивать бессмысленно, для науки тоже ничего особо любопытного нет. Теперь здесь остаются только пост наблюдения ЛЮМ да аварийные службы космопорта. Ну и, конечно, галактический к нам заходить больше не будет.

— А как же мне до Терры добраться?

— Не горюй. Через два дня уходит каботажник в систему Шеризана, на нем и полетишь. А там поселения не чета нашему. На одной только Балладе два города класса В, лайнеры каждый месяц заходят. Жизнь! А из нашей дыры все, кто мог, уже разбежались, как только поселок сворачивать стали. Я бы тоже смылся, да нельзя — срок контракта не истек. Впрочем, есть у меня одна задумка, и ты мне в ней помочь должен, но об этом позже. Ага, вот он...

Маленький кельнер поставил на стол поднос и стал сгружать с него тарелки, блюдечки, графинчики, бутылки.

Малигэн, не дожидаясь конца этой операции, схватил графинчик с джельяком и сам разлил по рюмкам. Затем нетерпеливым жестом отослал прочь кельнера и под-

машина времени

нял рюмку, держа ее за ножку двумя пальцами.

— Ну, давай, — сказал он, — за твое возвращение!

Выпили. Закусили.

Даримава ощутил, как по телу разлилось теплое умиротворение. Он всерьез занялся пищей, а разговаривать предоставил Питеру, который был сыт и потому ограничивался минимальной закуской. Еда действительно была приготовлена великолепно, жизнь сразу показалась легкой и приятной, и Даримава с удовольствием слушал болтовню Малигэна.

— ...Черт знает что творилось. Как все работы свернули, народ разбежался, а нового не прибыло — кому охота в дыру класса Н вербоваться? Можешь себе представить наше положение — работать некому, все разваливается; туземцы — сам знаешь — не очень-то к нам из своих лесов рвались, разве что сопляки одни... Я в ЛОМ рапорты посылаю — один, другой... а они мне — держись, мол, а людей не шлю, насильно ж никого не заставишь. Ситуация — хоть вешайся, что делать — понятия не имею. И тут, как манна небесная, ни с того ни с сего туземцы из лесов поперли. Да не так, чтобы один-два, а целыми стойбищами и племенами. Что у них там в лесах приключилось — до сих пор не пойму, а от них ничего не добьешься — мычат себе что-то, руками машут, бормочут... Как дети... Ей-богу!..

Даримава беспокойно шевельнулся. Легкая тень некоего подозрения закралась в душу, но он ее тут же отогнал — не хотел выходить из благодушного состояния.

— ...А потом решил — а какое мое дело, что там у них стряслось, главное — что сейчас делать. Тебе, думаю, нужна была рабсила — вот тебе рабсила, вот тебе кадры. Ну, организовали раздачу пищи, краткосрочные курсы овладения специальностью. Самых понятливых — в космопорт, остальных — кого куда. А они из лесов все валят. Тут уже демографическим взрывом попахивать стало — чем кормить, куда селить. Ну, думаю, то пусто, то густо. Пришлось слать каботажник на Ольнитак-2, оттуда вывезли домостроительный комбинат, развернули здесь и пошли штамповать, сам видел — целый город вырос.

— Да, — заметил Даримава, — только однообразно как-то.

— Верно, неказисто, но что делать? Спешка, не до красоты было. Да и чего стоило обучить туземцев всем этим работам! Ну, и пошло — дома, швейные мастерские, текстильная фабрика, бани, прачечные, столовые...

Даримава вспомнил свой злосчастный

завтрак в «Джоне Барликорне», и его перевернуло.

— Слушай, а что — это во всех столовых так кормят?

— Так ведь там туземцы поварами. Свои блюда они почему-то не готовят, а наши, земные, как следует не могут. Единственный на всю планету повар-человек — в этом вот баре. Не знаю, что делать будем, когда у него контракт истечет... Ну, давай еще по одной.

Выпили. Закусили.

— ...Да, ну с этим как-то справились худо-бедно, а сейчас другая проблема — свободное время.

— А что такое?

— Ну как что? Рабочих мест на всех не хватает. Те, кто в прачечных или мастерских работает, еще туда-сюда. Но большинство-то без работы сидит. Мы им, конечно, пособие назначили — нельзя же, чтобы люди с голоду помирали, за это ЛОМ с нас строго спросит. В каждую квартиру стереовизор поставили, лучшие программы со всей Галактики крутим, а они смотрят на них, как бараны, и ни бельмеса не пелят. В стереовизор их не затащишь, читать-писать они не умеют, музыку нашу не воспринимают, про спорт понятия не имеют. Хотели мы тут состязания в беге устроить, футбол организовать... Объяснили им правила, устроили матч... зрителей согнали... Глаза бы мои не смотрели. 22 аборигена передвигаются по полю с этим мячом, как каторгу отбывают, а десять тысяч зрителей глядят на них, как овцы, и молчат. Представляешь — десять тысяч болельщиков сидят-не шелохнутся и молчат... Давай выпьем...

Выпили. Закусили.

— ...Хотели мы самостоятельность наладить — ну, там фольклор, пляски эти ихние, песни. (Даримава скромно потупил взор.) Уж, казалось бы, чем еще им заниматься, как не этим? И что же ты думаешь? И этого не хотят! Как сговорились, ни один не соглашается. Ни петь, ни плясать. Мы уж и уговаривали, и чего только не сулили — молчат себе, смотря тупо да улыбаются этой дурацкой улыбочкой, и ничего от них не добьешься. Короче, ничем их в свободное время не заставишь заниматься. Ни безработных, ни тех, у кого работа есть. Пока дома строили, так все хоть при деле были... Да. А теперь вот пьянство пошло, мордобои, поножовщина. Пришлось полицию завести, тюрьму построить... А кто в полиции служит? Те же туземцы. Работу свою выполняют аккуратно, ничего не скажешь, пьяных задерживают. А как свое отработают — сами надираются, и, глядишь, этого полицейского вторая смена

самого уже за шиворот берет. Смех, да и только. Давай выпьем.

Выпили. Закусили.

— Да, так вот и живем. И прямо тебе скажу — страшно мне становится. Целый город туземцев этих — все молчат, слова с ними не перемолвишь... Давай выпьем. Что? А-а, кончилось... Сейчас еще закажем. Кельнер!

Но Даримава пить уже не хотел и есть тоже.

— Не надо, Пит, я уже все. Ты лучше скажи, что тебе от меня нужно было, ты говорил про какую-то свою идею...

— Ну, не надо так не надо, а то выпили бы... Кельнер, слышишь, ничего не надо, пошел, пошел...

Малигэн потер ладонью лоб, налил фужер минеральной и залпом осушил. Еще секунду сидел с закрытыми глазами, затем поднял ясный взор на Даримава. Умение быстро трезветь входило в его профессиональные качества.

— Да, идея. Понимаешь, я хочу, чтобы нам статус возвратили. А то такая тут тоска пошла — хоть вешайся. И вот я все голову ломал — как доказать этим мудрилам из ЛОМ, что наша планета для Терры представляет огромный интерес и заслуживает поселения класса Е. И вот все ломал голову до тех пор, пока туземцы в город не повалили. Тут-то меня и осенило — вот она, наживка. Массовое перевоспитание туземцев, приобщение их к цивилизации. Уникальнейший эксперимент, широчайшее поле деятельности для специалистов — социологов, психологов, педагогов. Одних диссертаций сотни испечь можно... Ну, как?

— Да... — медленно ответил Даримава, — ловко придумано. А что же от меня требуется?

— А от тебя требуется снять обо всем этом видеofilm. Рекламный ролик минут на 15—20, не больше — просто показать, как они живут и, в основном, как работают, как осваивают цивилизованные профессии... Но чтобы все, конечно, конфеткой выглядело. Про трудности и проблемы пока ничего. Сделаешь?

Даримава ответил не сразу. Отказывать Питу не хотелось, а с другой стороны, несколько не привлекала перспектива хождения по всем этим мастерским и прачечным, где нужно будет снимать молчаливых, согнувшихся над работой туземцев в серых немарких одеждах.

— Знаешь, — сказал он, — в общем-то, я согласен, только давай отобразим их приобщение к самым передовым достижениям цивилизации. На кой черт нам снимать прачечные? Этим никого не удивишь. Ограничимся космопортом. Там же много

туземцев на всяких подсобных работах?

— Да все вспомогательные службы на них только и держатся. И в порту, и на каботажнике.

— Ну и прекрасно! Их и запечатлеем.

— Тогда завтра с утра можно приступить, а послезавтра ты уже с фильмом отправишься на каботажнике в систему Шеризана, а оттуда на Терру.

...Малигэн выврался проводить Даримава до отеля. Не вполне твердой походкой они вновь двинулись по глухой улице между ангаров и пакгаузов.

— Слушай, — спросил Даримава, — вроде бы еще утро. Почему тогда так темно?

— А, черт, — ответил Малигэн, — совсем из головы вылетело. Сегодня же затмение.

Они шли, задрав головы, глядели на быстро темнеющее небо. Небесный Огонь быстро превращался в серп, и яркость его падала, зато рядом все более ярким становился второй серп — то была меньшая из Светлых Сестер. Появились уже самые крупные звезды.

Занятые созерцанием небес, мужчины не сразу заметили группу аборигенов впереди себя, там, где улица выходила на площадь перед отелем. А когда заметили, то не сразу сообразили, что туземцы пьяны не меньше, чем люди. Маленькие фигурки загородили дорогу. Глаза сверкали, руки сжаты были в кулаки, и Даримава впервые за время пребывания в городе убедился, что туземцы отнюдь не превратились в бессловесных тварей.

Слышались яростные возгласы.

— Пьяны вдрызг, — уныло констатировал Малигэн, извлекая из нагрудного кармана плоскую коробочку и нажимая кнопку вызова. — Вот, друг мой Даримава, наглядный пример трудностей, с которыми мы сталкиваемся в нашей работе...

Туземцы заводились все больше и орали все громче, пока один из них не глянул ввысь и не выкрикнул что-то предостерегающее. Сверху бесшумно опускался черный параллелепипед полицейского антигравитационного модуля. Туземцы бросились врассыпную, но было уже поздно. Из севшего АГ-модуля высочила группа полицейских, вооруженных дубинками и одетых в обтягивающие мундирчики со множеством блестящих металлических пуговиц, значков, блях и жетонов. Посыпались удары дубинок, послышались вопли. Через пару минут все было кончено. Туземцев забросили в задний отсек АГМ, полицей-

машина времени

ские заняли места в своем, герметические двери закрылись, и черный кирпич взмыл ввысь, к звездам и двум ярко сверкавшим в темно-зеленом небе серпам. Только не к звездам летел он, а, описав дугу, скрылся за темной, слабо освещенной массой ангара, направляясь в сторону местной кутузки. Никаких окошек на бортах АГМ не было, и от этого он производил такое же впечатление глухой безнадёги, как и бетонные стены окружающих пакгаузов.

— Идем, что ли, — сказал Малигэн.

— Идем, — ответил Даримава.

Мужчины зашагали к отелю. Даримава вспоминал лица пьяных туземцев. Вроде бы два-три из них были ему знакомы...

Даримава проснулся с чувством какого-то беспокойства. Что-то было не так, но спросонья он не мог сообразить, что его тревожило. Пока не взглянул на часы. Было уже 11 часов приведенного времени. Именно в 11 должен сегодня стартовать каботажник в систему Шеризана. А Даримава велел портье разбудить его в полдевятого.

Даримава пулей вылетел из постели. «Мерзавец! — думал он, торопливо оде-

ваясь. — Убить мало скотину! Неужели опоздал?! Нет, не может быть — и Пит знает, что я должен лететь, и другие... Он бы за мной послал. Нечего горячку пороть — просто что-то случилось, вылет задержали, только и всего».

Он подошел к видеофону и набрал номер эмиссара ЛОМ. На экране возникло озабоченное лицо Малигэна.

— Здорово, Пит! — сказал Даримава. — Слушай, болван портье меня не разбудил вовремя... Как там с каботажником? Еще не улетел?

Малигэн глядел хмуро, казалось, что-то соображая.

— Понимаешь, дружище, с каботажником-то все в порядке, но, боюсь, улететь ты сможешь не скоро. Туземный персонал забастовал.

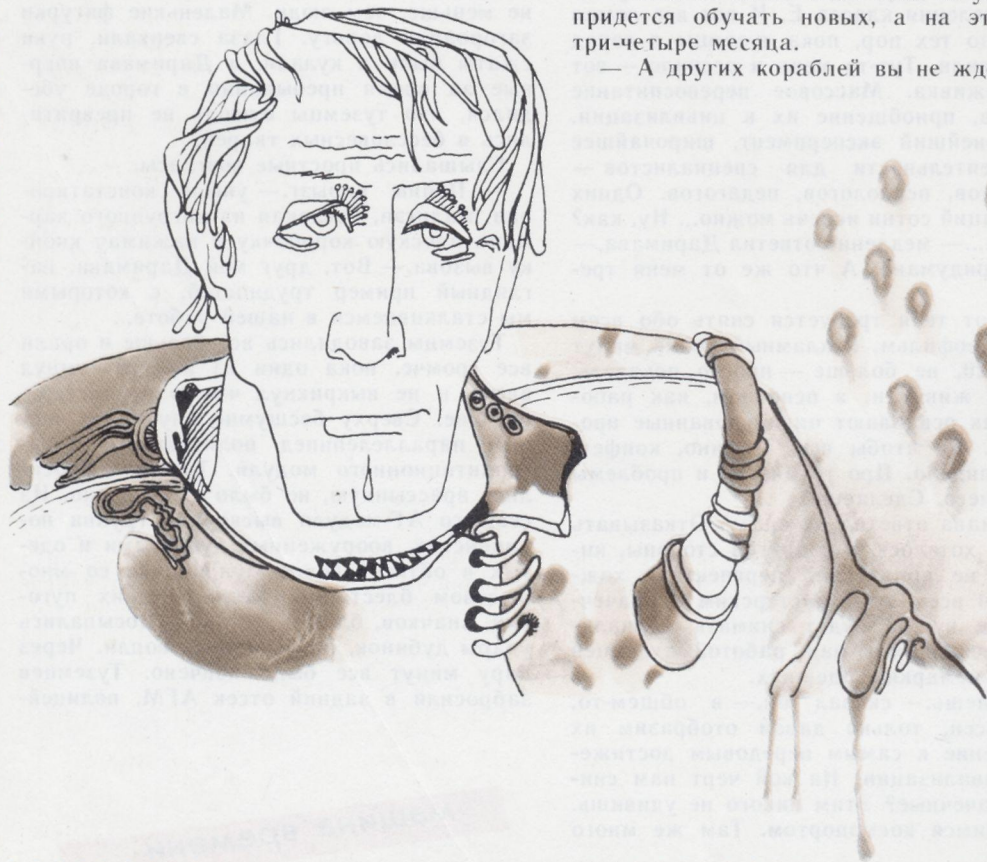
— Как забастовал?

— Так. Сидят себе, смотрят тупо на свои приборы и инструменты, так же тупо смотрят на нас и не хотят ничего делать. Все основные службы в порту парализованы. А без них, сам понимаешь, леталка наша ни с места.

— Что же делать? — растерянно спросил Даримава.

— Сам не знаю. Если этих не уговорим, придется обучать новых, а на это уйдет три-четыре месяца.

— А других кораблей вы не ждете?

— Не раньше, чем через полгода. Так что придется тебе у нас пожить. Ты не горюй, мы с тобой это время славно проведем. А теперь извини, дружище, надо разбираться...

Экран потух.

Даримава бросился в другой конец комнаты к своему рюкзаку, где лежала его видеокамера. Так и есть! Переключатель блока гипноизлучателя в положении «ВКЛ». Вчера, снимая в порту и на борту корабля заказанный Питом видеоролик, он по привычке включил гипноизлучатель.

Даримава застонал.

— Болван! Идиот! Кретин! Сам себе яму вырыл!

Как назло, он снимал туземцев, занимающихся самыми важными работами, чтобы поразить мудрецов в ЛОМ, — вот, мол, какие ответственные операции здесь туземцам поручают!

«Но как же так?! — лихорадочно мыслил Даримава. — Ведь в излучателе есть блок селекции — стираются из памяти только ритуалы, мифы, легенды, предания... А ведь это же работа! Профессиональных навыков излучатель не должен затрагивать. Ведь мы же с Хью проверяли, испытывали...»

Действительно, они провели ряд проверок гипноизлучателя — в Африке на одном негритянском племени и на индейцах бассейна Амазонки, бороро, кажется. Все было отлично. Все они позабыли эти свои легенды и прочее, но никто не потерял способности ориентироваться в окружающей действительности. Негры не забыли, как управлять своими аэролимусинами, индейцы не разучились пользоваться транзисторными стереовизорами, подводными ружьями и рефрижераторами... Так в чем же дело, в чем дело? Почему же здесь?..

Даримава мерил шагами комнату, напряженно размышляя, припоминая факты, анализируя. И постепенно в мозгу забрезжила истина.

Ну да, негры, индейцы не забыли жизненно важных навыков, а легенды и предания забыли. Все верно. Но ведь они давным-давно превратили наследие предков в доходный бизнес, демонстрируя свои пляски и ритуалы туристам да этнографам. Сами-то они шли вполне в ногу с веком, ни в магию, ни в заклинания не верили, а верили в компьютеры и прогноз погоды в вечерней стереопрограмме спутникового вещания.

А с другой стороны, туземцы, иракелы и иже с ними. Для них-то все эти мифы и ритуалы были самой жизнью. Все, что они видели, и все, что они делали, находило отображение в песнях и плясках,

преданиях и легендах. Отними все это у них, и ты отнимешь все — и профессиональные навыки, и стереотипы бытового и социального поведения. И никакой блок селекции не поможет разделить то, что не делится в принципе, что в сознании туземца составляет единое целое.

Для аборигенов в порту работа, смысла которой они, конечно же, не понимали, была таким же магическим ритуалом, как танец охоты на туфлона...

Даримава в панике метался по комнате. Мысль о том, что на этой планете ему придется провести еще несколько месяцев, казалась ужасной.

— Надо что-то делать... Но что? На АГМ не улетишь... назад их не разгипнотизируешь... но ведь это временно, они потом все вспомнят... может, объяснить? Идиот! Что объяснять?! Кому?

Негромкий стук в дверь заставил его застыть на месте.

Даримава вдруг осознал, что он уже давно слышит какой-то приглушенный, доносящийся из-за двери шум, только, занятый своими мыслями, не обращал внимания. Вроде слышались ему какие-то невятные шепчущие голоса, легкий шорох и топот множества маленьких ног...

Деликатный стук повторился.

Подавляя страх, этнограф подкрался к двери и потянул ручку на себя. Весь коридор перед номером был заполнен туземцами. Они молча глядели на Даримава, потом осторожно, но решительно стали входить в комнату. По лестнице подымались новые.

Облившийся холодным потом Даримава метнулся ко второму выходу из номера. Но там дверь уже была открыта, и через нее в помещение вваливалась толпа маленьких людей.

Даримава с трудом сдерживал вопль животного ужаса.

«Балкон, — мелькнула отчаянная мысль. — Второй этаж, ерунда, спрыгну. Главное — добежать до порта, там укрыться...»

Он выбежал на балкон.

Он увидел, что вся площадь перед отелем заполнена аборигенами. И все новые и новые колонны подходили по всем пяти выходящим на площадь улицам и вливались в общую массу, которая, видимо, скопилась здесь уже давно. Тысячи и тысячи маленьких человечков в серых, немарких одеждах. Они неподвижно стояли под балконом Даримавы и молча смотрели на него.

машина времени